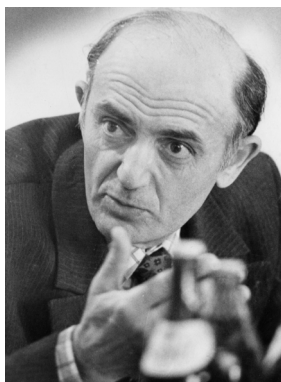

К 95-ЛЕТИЮ З.И. ФАЙНБУРГА (1922–1990)

*Б.З. ДОКТОРОВ, Г.З. ФАЙНБУРГ,
Ю.Р. ВИШНЕВСКИЙ, Г.Е. ЗБОРОВСКИЙ*

З.И. ФАЙНБУРГ: «ЖИЗНЬ МОЯ БЫЛА ТЯЖЕЛА, НО НЕ БЫЛА БРЕМЕНЕМ»

Аннотация. О жизни и работе одного из создателей советской социологии, профессоре Захаре Ильиче Файнбурге (1922–1990) вспоминают его

Докторов Борис Зусманович — доктор философских наук, профессор, независимый исследователь (США). **Электронная почта:** bdoktorov@inbox.ru

Файнбург Григорий Захарович — доктор технических наук, профессор, директор Института безопасности труда, производства и человека, Пермский национальный исследовательский политехнический университет.

Адрес: 614990, Пермь, Комсомольский пр., д. 29.

Телефон: +7 (342) 219-83-69. **Электронная почта:** faynburg@mail.ru

Вишневский Юрий Рудольфович — доктор философских наук, профессор, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, кафедра социологии и технологий государственного и муниципального управления. **Адрес:** 620002, Екатеринбург, ул. Мира, д. 19.

Телефон: +7 (343) 375-48-22. **Электронная почта:** soc_stu@el.ru

Зборовский Гарольд Ефимович — доктор философских наук, профессор, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, кафедра социологии и технологий государственного и муниципального управления. **Адрес:** 620002, Екатеринбург, ул. Мира, д. 19.

Телефон: +7 (343) 375-48-22. **Электронная почта:** garoldzborovskiy@gmail.com

сын — Г.З. Файнбург, а также его коллеги и друзья Ю.Р. Вишневский и Г.Е. Зборовский. Интервью с ними провел Б.З. Докторов.

Ключевые слова: Захар Ильич Файнбург; жизненная траектория; социология; коллективистское общество; социология труда; социология культуры; социальное планирование; историческое место социализма; социология будущего; «школа Файнбурга».

Для цитирования: Докторов Б.З., Файнбург Г.З., Вишневский Ю.Р., Зборовский Г.Е. З.И. Файнбург: «Жизнь моя была тяжела, но не была бременем» // Социологический журнал. 2017. Том 23. № 1. С. 133–155. DOI: 10.19181/socjour.2017.23.1.5006

З.И. Файнбург — человек и ученый из поколения, выполнившего свой долг. (Б.З. Докторов)

24 января 2017 г. исполнилось 95 лет со дня рождения Захара Ильича Файнбурга (1922–1990) — одной из ярких фигур советской социологической науки, представителя первого поколения послевоенной российской социологии. Он родился через четыре года после Октябрьской революции и испытал все тяготы становления и расцвета сталинизма: арест и потерю родителей, воспитание в детском доме, войну, послевоенные годы борьбы с «безродными космополитами» и невозможность жить в Москве. На протяжении всей жизни ему пришлось постоянно преодолевать идеологические препятствия, возникавшие на пути публикации его пионерных экономических и социологических работ, прибегать к эзопову языку литературных рецензий, прикрывающих его социологический анализ научной фантастики, имевший целью изложение своего понимания развития общества.

В детдоме он очень много читает, начинает знакомиться с философскими и литературно-критическими произведениями, затем поступает в известный ИФЛИ, где учится у выдающихся обществоведов, 9 июля 1941 года добровольцем уходит на фронт. Вернувшись с войны, с отличием заканчивает экономический факультет МГУ и вынужденно уезжает на работу в тогда далекую, провинциальную Йошкар-Олу. Лишь в 1960 году он переезжает в промышленно развитую Пермь и до конца жизни работает в Пермском политехническом институте.

После смерти Сталина и реабилитации родителей Файнбург смог защитить кандидатскую диссертацию по конкретной экономике, тогда же он начинает социально-экономические исследования на промышленных предприятиях, что в конце 1950-х было делом новым, малоизвестным. Файнбурга можно обоснованно рассматривать как одного из пионеров экономической социологии в СССР и зачинателя прикладных исследований в области социологии труда. Он был среди первых, кто открывал тематику социального планирования на производстве.

Как философ и социолог Файнбург многие годы отдал изучению природы социалистического общества, сущности культа личности.

Он внес серьезный вклад в развитие теории культуры. Файнбург — не только экономист, философ и социолог, он — фантастовец, и его причисляют и к видным отечественным культурологам. Нельзя не отметить работ Файнбурга футурологической направленности. Здесь удивительным образом соединились глубокое знание им природы социалистического общества, а также любовь и профессиональное понимание научной фантастики. Он дружил с братьями Стругацкими и переписывался со Станиславом Лемом.

З.И. Файнбург — один из создателей Уральской социологии, основатель «школы Файнбурга». Традиции, заложенные им, живы и развиваются в рамках многолетних «Файнбургских чтений» в Перми.

Ниже публикуются фрагменты обстоятельного интервью с сыном З.И. Файнбурга — доктором технических наук, профессором Григорием Захаровичем Файнбургом, которым сделано и делается очень много для сохранения научного архива отца и публикации его произведений. По моему мнению, он не просто с честью исполняет свой сыновний долг, но стал подлинным экспертом в вопросах творчества З.И. Файнбурга. Об отдельных направлениях исследований Файнбурга и о его личностных чертах вспоминают профессор Ю.Р. Вишневецкий и профессор Г.Е. Зборовский, долгие годы знавшие Файнбурга и дружившие с ним.

В одном из эссе Г.З. Файнбург приводит беглую запись отца о своем поколении: «Я полагаю, что наше поколение просто обязано оглянуться, осмыслить то время, в котором мы прожили, рассказать об этом времени своим детям и внукам. Наш анализ — пусть самый что ни на есть научный — не может не быть окрашен тонами личного присутствия, тонами свидетельства очевидца. Именно так написаны книги принадлежащих к моему поколению ученых-публицистов. Может быть, потом ученые педанты скажут, что в этом их слабость. Но в этом и их сила: это — не только холодные наблюдения ума, но горестные заметы сердца!..

...Мы сказали — и выполнили свой долг!..» [6, с. 123–124].

Вся подлинная жизнь З.И. Файнбурга — творчество.

(Г.З. Файнбург)

Прежде всего, Григорий Захарович, расскажите об основных этапах жизни Захара Ильича Файнбурга.

Внешних событий в жизни Захара Ильича было не так уж много, мест работы еще меньше — всего два, вся его подлинная жизнь — это творчество. Его жизнь и творчество были потому неразделимы, что Захар Ильич работал не только на работе, но и дома. Дома он писал, размышлял, непрерывно обсуждал те или иные научные проблемы с женой и, если это было можно или нужно, с повзрослевшими детьми. Все научные разговоры велись открыто, и я с детства был в курсе

многих дел и научных достижений отца, но слышал о них и воспринимал их «прямо» и без какого-либо «официоза» и ханжества. Этому во многом способствовала мама — Галина Петровна Козлова (1927–2000).

Отец встретил ее, учившуюся на одной с ним специальности — политэкономии, но на курс младше, когда осенью 1945 г. вернулся с фронта доучиваться в МГУ. Она стала не просто женой и матерью его детей, а образовала с Захаром Ильичем «научный тандем», стала его основным соавтором, верным соратником, помощницей и научным «оппонентом» в их поиске истины. Без нее и ее природного дара абсолютно безупречно логически мыслить и хорошо писать Захар Ильич никогда бы не стал тем, кем он стал.

Первым этапом жизненного пути отца было «становление личности»: с рождения в 1922 г. и до смерти Сталина в 1953 г. — 31 год непростой жизни, формирование его воли и страстного желания «жить» и «мыслить».

Семья его родителей — ответственных советских (и партийных) работников дала ему хорошее образование, привила оптимистическое мировоззрение и подлинно коммунистическую идеологию. Арест и гибель родителей в марте 1938 года были мощным ударом для 16-летнего Захара, оставили неизгладимый след в душе, сформировали «верность» репрессированному революционному поколению, их идеалам и образу жизни, обусловили его желание понять механизмы развития советского общества, которое породило «культ личности» и неразрывно связанные с ним репрессии.

К счастью, он попал не в специальный (типа лагеря), а в нормальный хороший детский дом и приобрел хороших, верных друзей, получил возможность отлично учиться и очень много читать. Все это позволило ему поступить на экономический факультет в знаменитый Московский ИФЛИ (Институт философии, литературы и искусства). Перед ним открылась редкая возможность получить прекрасное образование, ибо ему и его талантливым сокурсникам в их «коммунистическом Лицее» преподавал весь «цвет» профессуры, уцелевшей от репрессий 30-х годов. Это были люди, сформировавшиеся как ученые и педагоги еще до революции, учившиеся за границей, знающие языки и методы истинной науки... Они вольно или невольно прививали своим ученикам научную методологию познания и учили научным методам исследования.

Но началась Великая Отечественная война, на фронты которой 9 июля 1941 г. уходит добровольцем Захар Файнбург. Судьба сохранила его.

Вынужденный после окончания МГУ уехать в Йошкар-Олу, там, в глухой провинции, Захар Ильич тесно общается со ссыльными профессорами московских и питерских вузов, с инженерами ряда заводов. Он рыбачит и охотится, воспитывает детей, преподает, собирает

прекрасную библиотеку раритетных и запрещенных изданий, читает, думает. Издания Богданова, Туган-Барановского, Бухарина дореволюционных и ранних революционных лет — в его личной библиотеке, всегда рядом, доступны для чтения.

Второй этап жизненного пути и творчества пришелся на 1953–1963 годы. Смерть Сталина и реабилитация родителей открывают Захару Ильичу возможность нормальной жизни, занятия наукой, написания диссертации. Он хотел бы продолжить линию своей дипломной, чисто «политэкономической» работы о материально-технической базе перехода к коммунизму, но под влиянием обстоятельств работа приняла более конкретно-экономический характер. Это дает возможность Захару Ильичу лучше понять производство и труд, овладеть методами эмпирических исследований, статистического анализа. Впоследствии это стало элементом его профессиональных умений социолога.

Первая научная публикация З.И. Файнбурга о механизации лесозаготовок датирована 1955 годом. Одновременно в 1957 году он пишет свою первую работу о противоречиях как движущих факторах социального развития и в 1959 г. в МГУ защищает кандидатскую диссертацию.

В 1957 г. Захар Ильич и Галина Петровна становятся одними из первых в стране обществоведов, ведущих исследования на промышленных предприятиях на основе хоздоговоров. Не критика буржуазных теорий, не прославление политики партии, а конкретная работа над конкретными проблемами становится стилем их научной деятельности.

В 1960 г. родителям удается уехать от бесконечных гонений в Йошкар-Оле на Западный Урал для работы в новом, только что созданном Пермском политехническом институте. Там они счастливо проработали всю оставшуюся жизнь.

Работы по механизации труда, начатые в Йошкар-Оле, были продолжены в Перми, их поддержал Западно-Уральский совнархоз, в их распоряжении оказались все подчиненные ему заводы. Это была прекрасная школа конкретных исследований механизации труда.

Блестящий доклад Г.П. Козловой на Всесоюзной конференции в МГУ в 1960 г., публикации 1963 г. об их многолетних работах по механизации труда, теоретическим результатом которых было выяснение влияния технического прогресса на изменение характера труда, приносят успех научному тандему Файнбург — Козлова, знакомит их со многими видными учеными.

В эти же годы Захар Ильич все больше отходит от экономики, начинает заниматься социологией, в том числе названной им для себя «социологией будущего», использует научный анализ художественных образов произведений социально-философской фантастики. В 1967 году самый престижный тогда журнал «Вопросы философии» после долгих мытарств публикует программную статью Захара Ильича

«Современное общество и научная фантастика». Эта статья актуальна до сих пор, она не несет на себе практически никаких отпечатков того времени.

Третий этап жизни и творчества З.И. Файнбурга начинается в 1964 г., когда он становится заведующим новой кафедры «Основ научного коммунизма» и сразу начинает ставить учебный курс социологии, создает при кафедре две *лаборатории социологии* (промышленного производства и образования), развертывает исследования по социологии труда, социологии культуры, социального планирования. Именно эти направления: исследование изменения характера труда под воздействием научно-технического прогресса, социальное планирование и изучение образа жизни были признаны и названы в 1976 г. на XXV съезде КПСС важнейшими, но Захар Ильич начал заниматься ими значительно раньше — на рубеже 1950–1960-х годов. Ему не нужны были указания сверху, как настоящий аналитик он уже тогда видел важность этих проблем и предвидел потребность общества в их решении.

То было время расцвета его деятельности, годы становления советской социологии. В 1966 г. З.И. Файнбург становится членом правления Советской социологической ассоциации, входит в только что созданный Научный совет АН СССР по проблемам конкретных социальных исследований.

Несмотря на серьезную болезнь, впервые чувствительно давшую о себе знать осенью 1967 года, в 1972 г. Захар Ильич после долгих перипетий в Ростове-на-Дону защищает докторскую диссертацию по философии «Развитие социалистического общества и научно-техническая революция». В ней прослеживается влияние НТР на изменение функционального содержания труда, его социально-экономического характера, организацию труда, развитие культуры и сознания. Это была целостная системная концепция развития общества, подкрепленная прекрасным теоретическим и эмпирическим материалом.

Публикации в конце 1970-х годов в Ростове-на-Дону фундаментальных работ З.И. Файнбурга по культуре внесли огромный вклад в деятельность концепцию культуры. Отмечу, что благодаря этим работам экономиста и социолога З.И. Файнбурга все чаще стали называть и продолжают и поныне именовать известным «культурологом».

В этих условиях и под влиянием Галины Петровны Захар Ильич обращается к созданию диалектической логики политэкономии коллективистского общества, необходимой для понимания процессов трансформации общества индивидуалистического типа в коллективистское. Их книга «Диалектическая логика политэкономии социализма» (1982) стала своего рода завершением этого этапа работы.

Создав методологию, естественно было рассмотреть социалистическое общество как целостную развивающуюся систему с позиции

коллективности. Эти вопросы всегда интересовали Захара Ильича. Для них он придумал даже название «историческое место социализма», но официальная наука даже слышать не хотела эту «ересь».

Так начался еще один, последний этап жизни и творчества тяжелого больного, но много работающего Захара Ильича.

Летом 1985 г. на основе ряда спецкурсов по *теории коллективистского общества*, прочитанных в Риге, Захар Ильич и Галина Петровна подготовили рукопись книги «Коллективистское общество. Идеал. Теория. Реальность». Однако дело застопорилось, издание так и не состоялось... Спустя два года, летом 1987 г. рукопись молчаливо сгнила в издательстве...

Начавшаяся в 1985 году «перестройка» и сопровождавший ее рост свободы слова вызвали жгучий интерес людей к истории страны, к перспективам развития советского общества. Подтачиваемый неизлечимой болезнью, Захар Ильич торопится писать, выступать, стремится успеть передать свои мысли другим.

В апреле и мае 1987 г. по просьбе студентов (в связи с выходом на экраны фильма Т. Абуладзе «Покаяние») Захар Ильич прочитал с перерывами в неделю три публичные лекции о культуре личности. Сохранилась магнитофонная запись этих лекций и ответов лектора на вопросы слушателей продолжительностью около восьми часов. Возможно, это было первое в стране научное, публичное развенчивание природы культуры личности.

Лекции вызвали невероятный интерес — стало ясно, что их нужно публиковать. Так началась огромная работа Захара Ильича над книгой о культуре личности, ныне известной как «Не сотвори себе кумира...». Первый вариант рукописи был написан во второй половине 1987 г. Из издательства он вернулся в июне 1989 г. с просьбой срочно учесть замечания и еще раз отредактировать текст, так как книга включена в план редакционной подготовки 1990 г.

Однако к тому времени дорабатывать текст книги о культуре личности чисто стилистически и редакционно стало нецелесообразно. За два года, прошедшие после чтения лекций о культуре личности, в центральных издательствах был опубликован ряд объемных статей и книг по истории культуры личности, многие идеи которых опирались на положения, впервые высказанные Захаром Ильичем. (Мне приходилось неоднократно присутствовать при телефонных разговорах отца с учеными Москвы, которые буквально «рвали его на части», выпытывая те или иные его свежие мысли.) В оборот было вовлечено множество воспоминаний, документов, фактов. При этом обилии материала теоретический уровень рассмотрения проблемы был очень далек от желаемого. Преобладала фактография и историография. Отдельные факты и индивидуальные судьбы людей заслоняли общую социальную картину произошедшей трагедии.

Захар Ильич решает сократить исторический материал, усилив социологический и философский аспекты, акцентировать внимание на теоретическом рассмотрении исторического места социализма. Фактически он написал новую книгу. То был своего рода итог сделанного. Но книга «Не сотвори себе кумира...: Социализм и “культ личности” (очерки теории)» (1991) [9] вышла уже после его смерти.

Отправив рукопись книги в издательство, Захар Ильич возвращается к рукописи «Коллективистского общества...». Он хотел заново, по-другому, совершенно открыто и строго научно переписать «Коллективистское общество...», но успел изменить только самое-самое начало.

10 сентября 1990 года ранним утром Захар Ильич скончался.

В большинстве воспоминаний о З.И. Файнбурге говорится, что почти все его крупные работы не опубликованы. Какова их судьба? Что Вы делаете для сохранения научного наследия отца?

Каждый ученый живет в обстоятельствах социальной жизни общества. Эту ситуацию рассмотрел Захар Ильич в ряде своих работ о науке. Если в конце 1950-х – начале 1960-х годов на волне «оттепели», осуждения культа личности, огромного строительства, успехов в науке, космосе происходит рождение (называемое чаще возрождением) социологии и становятся нужны новые идеи, подходы, инструменты, терминология — то все идет в ход, и работы З.И. Файнбурга публикуются, хотя и после жесткой «обрезающей» редакции.

Особенно жестко отсекалось все «идеологически вредное» в крупных, системных работах. В небольших работах с более частными, конкретными вопросами изложение последних имело шансы «проскочить» заградительную решетку идеологической цензуры. Однако З.И. Файнбург, как подлинный ученый, всегда рассматривал конкретное, единичное, особенное через призму всеобщего и системного. Но на этом уровне обнаруживалось заметное расхождение между «официозной» идеологической парадигмой и его системой взглядов. Они были неортодоксальны и носили общий характер, ибо Захара Ильича интересовало соотношение субъективного и объективного, социального и экономического в развитии общества, особенно в период формационного перехода от индивидуалистического к коллективистскому обществу. Сформулированные им клише «историческое место социализма» и «социология будущего» были неприемлемы для того времени.

Наступление в конце 1960-х годов «мрака и тумана» «развитого социализма», тормозящих развитие общественных наук, включая социологию, самым негативным образом сказывается на творчестве Захара Ильича. В центральных московских журналах его практически перестают печатать, а ведущие издательства отказываются от его книг, уже стоящих в плане издания и даже собравших огромный тираж. Ему даже платят гонорар, но книгу не печатают.

Поскольку Захара Ильича «плохо» публиковали и жестоко редактировали и цензурировали, его оригинальные мысли на нетрадиционные темы кочевали из статьи в статью, а чаще, записанные в блокнотах или на листочках, ложились в «братскую могилу» архива. Поэтому написанное Захаром Ильичем можно разделить на несколько частей. Опубликованные работы (порядка 250), их первоначальные варианты, отвергнутые цельные готовые рукописи, заметки для себя при подготовке той или иной публикации... Я меряю папки с архивом (включая письма «великих» и невеликих, редакций, друзей, отзывы, рецензии, ответы рецензентам) погонными метрами. Их очень много... Все это было сохранено Галиной Петровной, не пропало и готовится мною для сдачи в архив Пермского края.

Часть архивных рукописей опубликованы в Перми. Это книги о социальной фантастике — «Предвидение против пророчеств» [10] и «Коллективистское общество. Идеал. Теория. Реальность» [12], ряд рукописей по формационному переходу, направленности развития общества, исторических судеб советского социализма, рецензии на Р. Брэдбери, А. и Б. Стругацких и др. Оцифрованы все лучшие работы и наиболее интересные рукописи. Но все идет медленно — я не социолог, и делаю это в свободное от основной работы время. И я очень благодарен всем, кто меня поддерживает и помогает в этой работе.

И дело не в том, что Захар Ильич — мой отец, а его постоянный соавтор — Галина Петровна — моя мать, а в том, что их творчество и их архив интересны с двух точек зрения. Во-первых, это, наверное, самый полный архив полувековой жизни обществоведов середины XX века. Он не фрагментарен, а системен, семейные письма придают ему целостность. Во-вторых, проблемы, которые нашупал и пытался исследовать Захар Ильич, — это проблемы нашего времени. В годы его исследований они были еще «в тумане», заявляли о себе лишь как тенденции и тренды, контуры грядущего, а сегодня — стоят уже «на дворе» глобализованного мира.

Речь идет о том, как будет жить «сытый» Homo economicus, когда исчезнут экономические стимулы, как будет жить жестко регламентированный грядущим социумом Homo sociologicus, как и что будет мешать смене экономических стимулов (например прибыли) на социальные (требующие сознательного регулирования). Или религиозный фанатизм зальет все человечество кровью у самой «двери в светлое будущее», которую никому не суждено будет открыть? Это проблемы нашего времени. И о большинстве этих проблем думал и писал когда-то Захар Ильич.

Как бы Вы кратко охарактеризовали в целом научную жизнь и творчество З.И. Файнбурга?

Мне кажется, что лучше всего это сделал сам Захар Ильич. В 1968 г., в середине своего творческого пути, размышляя о судьбе Кандида из

«Улитки на склоне» и о проблеме личного участия интеллигента в социальном прогрессе, Захар Ильич написал (фактически о судьбе своего творчества и самом себе) следующие строки: «Знать, что самое для тебя дорогое и выстраданное, — твоя идея, твое понимание, открытая тобой истина — не найдут еще очень долго себе применения и воплощения, только потому, что время понять тебя для окружающих еще не пришло (а когда оно придет, то никто даже не сможет вспомнить, что все это кто-то когда-то давно знал) — это тот воистину тихий и молчаливый подвиг, который многие века совершали и продолжают совершать люди, которым общественное разделение труда предопределило быть носителями разума своей эпохи» [11, с. 230].

Жизнь Захара Ильича остановилась, но траектория его творчества продолжается. Его ученики и последователи проводят «Файнбургские чтения». Пусть понемногу, но постоянно появляются публикации о З.И. Файнбурге, выходят в свет его не напечатанные при жизни труды. Эта работа продолжается и сегодня. Результаты его творчества, опубликованные и неопубликованные, открыты для всех исследователей.

З.И. Файнбург всегда и всюду старался оставаться самим собой.

(Ю.Р. Вишневский)

Прежде всего, Юрий Рудольфович, хочу просить Вас вспомнить Вашу первую встречу с З.И. Файнбургом. Знаете, первое впечатление — очень важное, определяющее...

Сейчас с трудом могу точно определить дату нашей первой встречи. Это конец 1967 или начало 1968 года. Ориентир — состоявшаяся у меня с Захаром Ильичом беседа о моей диссертации, точнее — о проблемах культуры, а еще точнее — о той дискуссии, которая в это время развернулась по поводу определения и сущности культуры.

Но все по порядку. На очередную конференцию по культуре в Пермь Лев Наумович Коган взял своих диссертантов и меня. Я в это время работал в Нижнетагильском пединституте и завершал работу над диссертацией о культурном уровне рабочей молодежи. Не скрою, первое впечатление от появления Захара Ильича на конференции не было восторженным. Высокий, худощавый человек, говорил тихим голосом. Поразило лишь присутствие термоса, из которого он по ходу дела что-то пил.

Восторг пришел потом, причем дважды. Первый раз — во время его доклада. Его выступление, может быть, было менее эмоциональным — в сравнении с привычными выступлениями Когана. Но какая логика! И самое главное — какая глубина и аргументация своих положений. Галина Петровна Козлова справедливо отметила, что дружба с технарями научила их с Захаром «аргументировать, доказывать свои идеи корректно, спокойно, научились спорить достойно, убедительно». Много позже, проработав немало лет в УПИ (Уральском политехни-

ческом институте), я понял, как много дает гуманитариям общение с технарями.

Захар Ильич в этом плане постоянно был для меня примером. Второй раз я испытал чувство восторга во время нашей беседы с ним на той конференции. Поразило даже не то, что он высвободил для нее время. Еще больше удивило, что он привезенный мною вариант первой главы прочитал и во время беседы постоянно обращался к нему. Мало сказать, что его замечания были дельными и глубокими, поражали тональность и такт. Отстаивая свое, технологическое, понимание культуры, Захар Ильич не отвергал возможности и иных подходов. Привлекло и удивило его глубокое знакомство со многими зарубежными теориями культуры. И еще один важный урок — Файнбург (как и Коган) не цитировал Маркса, а анализировал его положения, стремясь актуализировать его идеи.

Последующее мое восприятие творчества Захара Ильича определялось ракурсом нашей первой встречи. А его рекомендации были мною учтены, и через несколько месяцев я успешно защитил диссертацию.

В чем заключалась главная идея подхода Файнбурга к культуре? В чем были позитивные моменты его трактовки культуры? По каким линиям его понимание культуры критиковалось?

Если на этот вопрос ответить кратко, то можно ограничиться определением, вошедшим во многие учебники и учебные пособия по культурологии. «Культура — технология деятельности» (З. Файнбург). Если более подробно, то можно отослать к серьезным публикациям О.Л. Лейбовича и Н.С. Смольникова о теории культуры Захара Ильича. Но можно пойти и иным путем. Пожалуй, наиболее четко главную — технологическую, функциональную — идею подхода Файнбурга к культуре выразил Э.С. Маркарян: «Отмечая, что деятельность людей можно структурировать по разным основаниям, в частности выделив в ней цель, процесс и результат, З.И. Файнбург далее пишет: если рассматривать цель деятельности, то культура (как способ деятельности) предопределяет интересы, ценности, мотивы деятельности. Ей она придает творческий характер, специфически человеческие качества. Культура обуславливает надприродные свойства продукта этой деятельности, ее результата (безотносительно, имеет ли он форму предметно-вещную или духовную). Тем самым культура последовательно пронизывает все ступени деятельности — цель, процесс, результат — именно как ее код, алгоритм, ее специфическую характеристику (отличающую от несоциального, биологического и т. п.)» [5, с. 153.] Итак, прежде всего подход Захара Ильича (как и Л.Н. Когана, В.М. Межуева, Н.С. Злобина, Ю.А. Жданова и многих других участников дискуссий о культуре 1960–1980-х гг.) — деятельностный. Это противоречило тогдашней официальной — суммативной, узкоаксиологической — трактовке культуры как суммы достижений, богатств, ценностей. Главный по-

рок этой трактовки — вне поля зрения оставалось развитие самой культуры, роль человека в ее созидании. Отсюда и задачи воспитания (в рамках концепции «всестороннего развития личности») сводились лишь к освоению этих уже выработанных богатств.

Уже в рамках деятельностного подхода проявлялись различия. Одни (в том числе и Л.Н. Коган) придавали наибольшее значение творческому, человекотворческому характеру деятельности, рассматривали культуру как меру проявления сущностных сил человека. Другие (среди них знаковой фигурой был, безусловно, Захар Ильич) акцентировали внимание на способах деятельности. По Файнбургу, «понятие культуры есть интерпретация общества лишь под одним определенным, преимущественно технологическим углом зрения» [8, с. 33]. Между прочим, позиция Захара Ильича мне пригодилась в дальнейшем — в обосновании названия кафедры — «Социологии и социальных технологий управления».

Понятно, что критика технологического подхода к культуре шла с двух сторон — от сторонников официальных трактовок и от коллег по деятельностному подходу — за излишне расширительное толкование способа деятельности и недооценку ее результата. Подчеркну, что в дальнейшем в «Социологии культуры» [3] Лев Наумович обосновал правомерность и необходимость многоаспектного подхода к культуре. И сегодня эта возможность рассматривать культуру с разных сторон утвердилась и в культурологии, и в социологии культуры.

Кстати, статья Когана с критикой технологического подхода была опубликована в сборнике под редакцией Файнбурга, что отражает подлинно научный характер второго типа критики. В целом дискуссии Файнбурга, Когана, Маркаряна был присущ, по словам последнего, «духовный климат взаимного уважения, доверия». В одной из своих последних статей Маркарян рассказал об истории, когда Л.Н. Коган, с которым он «придерживался в корне различного понимания культуры», обратился с просьбой помочь своим ученикам (В.Л. Барсук, В.В. Трушков), которые придерживались в своих диссертационных исследованиях «технологического» подхода к культуре. Возвращаясь к ответу на первый вопрос, думаю, что и моя встреча с Файнбургом — из той же серии.

Сегодня эти дискуссии — уже явления из области истории науки. Но очень важно, чтобы история обогащала нас. И в этом плане климат «дискуссий о культуре» оказывается не менее значимым, чем различия позиций в ходе этих дискуссий.

В моем представлении Захар Ильич Файнбург и в жизни, и в научном творчестве во многом отвечал требованию своего любимого писателя-фантаста Станислава Лема: «Нужно быть собой. Всегда собой, изо всех сил собой, и тем больше, чем трудней: не примеривать чужие судьбы».

И он был «собой» в любой из областей науки, к которой обращался. Для Файнбурга — экономиста по образованию и кандидата экономических наук по первой ученой степени — путь к философии и социологии культуры определялся практическими задачами. Выяснение сущности культуры — «отнюдь не схоластические упражнения, а необходимый этап научного обоснования тех или иных элементов, сторон, направлений культурной политики» [8, с. 30].

Он подходил к культуре с позиции широкого социального видения современного ему общества (для него иной перспективы, кроме «социалистической альтернативы», не было) и происходящих в нем процессов. Один из важнейших — научно-техническая революция и ее влияние на сферу труда — стал объектом его глубокого научного анализа. Эта связь теории культуры Файнбурга с его идеей «глобальной социальной революции» до сих пор остается недостаточно оцененной.

Именно эта идея поднимает разнообразные социальные проблемы, ставшие объектом его анализа (в том числе — проблемы культуры, труда, семьи) на уровень философского обобщения. «Мир, — по оценке Файнбурга-мыслителя, — вступил в эпоху глобальной социальной революции, коренной ломки всей системы общественных отношений, ценностей, сознания» [9, с. 4]. Ее предпосылку он видел в «новом качестве производительных сил: изменение свойств и возможностей техники, обострение экологической проблемы, ставшей проблемой выживания человечества, новые требования общества к человеку и как к работнику, и как к личности. Объективной необходимостью стало более высокое развитие этой личности, ее свободы, совершенствование ее индивидуальности, субъективности» [9, с. 4]. Основная тенденция этой социальной революции XX в. — «становление доминирующего значения принципа коллективизма в отношениях между людьми, социальными совокупностями, странами, становление основанных на науке отношений планомерного регулирования всей социальной жизни» [9, с. 4]. «...Революция в производстве и социальная революция подталкивают человечество к столь же коренной революции в сознании и культуре. Суть этой революции — утверждение научного осознания мира, научно обоснованного самосознания, сознательного выбора жизнедеятельности взамен стереотипического программирования жизни религиозным (религиоподобным) сознанием и самосознанием» [9, с. 5].

Так в творчестве Файнбурга в идее «коллективистского общества» соединились теория «общества» и теория «культуры».

Но практико-ориентированность Файнбурга (и потребности развивавшегося в СССР движения по социальному планированию предприятий, городов, регионов) потребовали пойти дальше общего определения культуры — к социологическим представлениям о культуре. «Одна из наиболее актуальных задач социальной науки», — по

Файнбургу, — «переход от наиболее общих и абстрактных определений культуры к ее операциональным определениям, к такому ее расчленению, которое позволило бы и исследовать отдельные стороны культуры, и интегрировать эти элементы в характеристику ее как целого». И он активно включился в решение этой задачи. Особое место в его дальнейших изысканиях стали занимать проблемы типологии культуры, ее дифференциации и интеграции, культурного уровня различных социальных общностей, и особенно — первичного коллектива производственного предприятия.

В те годы, о которых мы говорим, многие философы, экономисты и социологи занимались теоретическими и прикладными аспектами социального планирования. Насколько я знаю, этот круг проблем разрабатывался и З.И. Файнбургом. Не могли бы Вы сказать, какое место находили его трактовки культуры в его работах по социальному планированию? И вообще, как Вы думаете, все сделанное в те годы по социальному планированию интересно сегодня лишь историкам социологии или каким-то образом присутствует и в современной российской социологии?

И в социальное планирование Файнбург внес нечто свое, связанное с акцентом на социокультурное развитие коллектива. Это был вклад и теоретический, и практический. Недаром позднее В.А. Ядов, обобщая опыт развития отечественной социологии, писал: «Захар Файнбург, глубокий философ и социолог, “далеко от Москвы” создал великолепную школу, причастные к которой не только отличные эмпирики, но пытаются категориально осмыслить статистику» [1, с. 48].

Исследование соцлаборатории Файнбурга (при Пермском политехе) на Пермском телефонном заводе, раскрывшее влияние социально-психологического климата в коллективе на производительность труда (особенно в таком компоненте — музыка и труд), получили всесоюзную известность. А разработанная Файнбургом и коллегами методика была отмечена наградой ВДНХ и рекомендована к широкому использованию. Менее известно исследование команды Файнбурга на градообразующем предприятии Норильска, которое оказало глубокое влияние на развитие целого города. И в этом значение социального планирования не только для историков социологии. Но было бы неверно не видеть и другое: как многое в те времена становилось «модой», «кампанией». Не избежало этого и социальное планирование. По-разному вели себя и заказчики — для одних важно было просто иметь «план социального развития» их предприятий, выявленные проблемы их не очень интересовали, для других важнее был «положительный результат» исследований, и лишь немногие рассматривали результаты исследования в ракурсе социальной диагностики и прогностики. Но опыт тех лет был поучителен и в плане потенциала социальной

инженерии, и с точки зрения развития «заводской» социологии и ее тесной связи с академической и вузовской, да и как серьезный практический опыт социологии.

И еще один важный момент, если говорить конкретно о Файнбурге. Рассматривая управление развитием культуры «на уровне социологии или культурологии как социологической дисциплины», он считал необходимым «построение системы ее типологических характеристик на всех уровнях социальных отношений». Возможность такого построения социолог соотносил с «подходом к культуре личности, малой группы, первичного коллектива, класса или социального слоя, региональной или этнической общности, общества в целом» как к «целому».

Из разнообразия примеров конкретного применения этих подходов отмечу один, редко упоминаемый в работах о Файнбурге, — изучение социокультурных проблем семьи. Для меня этот аспект творчества Захара Ильича стал открытием и одновременно доказательством многогранности его научных интересов. С огромным интересом я читал (а затем рассказывал студентам) об изысканиях Файнбурга о мотивации брака (в том числе — о выявленном парадоксе, когда доля счастливых браков в группе мотиваций «брак по стереотипу», «брак по расчету» превосходила соответствующие показатели для брака по любви), об эмоциональной стороне брака и о причинах распада молодых семей (выделялся «конфликт представлений», когда влюбленность ведет к идеализации партнера и повышенным требованиям, которые бывает трудно осуществить).

Все это наполняло для меня новым смыслом слова о Файнбурге и его семье, сказанные Львом Наумовичем Коганом: «Захар Ильич Файнбург отличался необычайной разносторонностью интересов... Я не знаю другого социолога, имевшего столько идей, замыслов, планов. Реализации хотя бы части из них он во многом был обязан жене, прекрасному экономисту Г.П. Козловой, которая была соавтором большинства его работ, а в отношении остальных — самым внимательным и придирчивым редактором. Своей постоянной любовью и заботой она продлила жизнь тяжело больного Захара Ильича» [4, с. 295].

Он был одним из первых среди тех, с чьим именем связано второе рождение социологии на Урале (Г.Е. Зборовский)

Прежде всего, Гарольд Ефимович, попрошу Вас вспомнить Вашу первую встречу с З.И. Файнбургом. Первое впечатление — очень важное, определяющее... Какими вообще были Ваши личные отношения?

С Захаром Ильичем я познакомился в июне 1965 г. во время поездки в Польшу в составе группы советских социологов. Поездка была организована ЦК ВЛКСМ и молодежной туристической организа-

цией «Спутник». Цель визита состояла в ознакомлении с польской социологией, которая в те годы была намного более развитой, нежели отечественная. В составе группы было немало социологов, уже тогда достаточно заявивших о себе: О.И. Шкаратан, В.Т. Лисовский, В.Г. Мордкович и ряд других. Оказался в этой группе и З.И. Файнбург, самый старший среди нас по возрасту — в то время ему было 43 года. Да и должность он занимал заметную — заведовал кафедрой в Пермском политехническом институте. Уже тогда, если я не ошибаюсь, при кафедре начали работать две социологические лаборатории, научным руководителем которых стал З.И. Вуз был очень сильным и хорошо известным в стране, а заведование кафедрой общественных наук в нем было делом сложным и почетным.

Несмотря на большую разницу в возрасте (мне было тогда 26, и я только защитил кандидатскую диссертацию), мы быстро, по его инициативе, перешли на «ты». В нашей группе, как и во всех, выезжавших из СССР за границу, существовала «железная» дисциплина — никуда самостоятельно не отлучаться, ставить обо всем в известность руководителя. (В нашей группе им был работник ЦК ВЛКСМ Артемий Семенович Кулагин, которого мы звали Тема, очень славный человек и хороший товарищ. Сейчас он доктор философских наук, профессор). Но, несмотря на запреты «исчезать» надолго по собственной инициативе, однажды мы не увидели среди нас З.И. Он, по договоренности с Артемом, на пару дней уехал в гости к польскому писателю-фантасту Станиславу Лему, который в то время находился в горах — польских Закопане, работал и отдыхал. Видимо, З.И. предварительно с ним списывался. Дело в том, что научная фантастика была предметом исследований Файнбурга [7], и с Лемом они переписывались давно. Более того, З.И. часто писал о его романах и в научных, и в публицистических работах. Проблема будущего общества и человека в нем постоянно интересовала Файнбурга. И немудрено: он ведь был очень тонким исследователем Маркса, его формационного подхода к историческому структурированию общества. Помню, что приехал он от Лема очень воодушевленным, даже взволнованным. Видимо, встреча произвела на него сильное впечатление. Но говорил о ней он как-то скупое, без подробностей.

В контексте нашего пребывания в Польше нельзя не сказать несколько слов об этой поездке, о встречах с известными польскими учеными Зигмундом Бауманом (который на днях умер, тогда он был заместителем директора Института философии и социологии Польской академии наук Яна Щепаньского), А. Клосковской, В. Веселовским, К. Жигульским (будущим министром культуры Польши) и другими учеными, социологами Гданьских судоверфей (для нас это было очень актуально, поскольку начинала развиваться заводская социология). Мы очень многому поучились у наших

польских коллег. Чувствовалось влияние Ф. Знанецкого, которого многие наши польские коллеги если не боготворили, то очень сильно уважали. В то время, когда мы были в Польше, его уже не было в живых. Да он, собственно, и не жил на родине в послевоенный период. Строившийся социализм был ему органически противопоказан. Плюс к этому трагедия его семьи во время фашистской оккупации Польши. Но приезжал в страну он регулярно, встречался с социологами, читал им лекции. Прежде всего, социология в Польше была институционализована. Она преподавалась в учебных заведениях. В крупных университетах были факультеты и кафедры социологии, которыми руководили известные социологи. Так, кафедрой социологии Лодзинского университета заведовал уже упомянутый К. Жигульский, с которым мне удалось неоднократно общаться. Активно проводились интересные и полезные эмпирические исследования в самых различных сферах общественной жизни.

Я упоминал о встрече с польскими социологами, работавшими на Гданьских судостроительных верфях. Их было двое, и они говорили о том, как исследуют проблемы текучести рабочих, выявляют причины и разрабатывают технологию ее предотвращения. Было необыкновенно интересно. Хорошо помню, что З.И. и О.И. Шкаратан задавали массу вопросов и делились соображениями по поводу возможности использования польского опыта в советских условиях.

С чувством юмора у Файнбурга всегда все было в порядке, и он не отказывал себе в удовольствии при случае пошутить. Помню, мы переезжали из Варшавы на поезде в другой город, по-моему, в Лодзь. День был жаркий, хотелось пить, а воду с собой мы не догадались купить. Провожавшие нас польские социологи увидели это, и один из них, Зигмунт Скужиньский, побежал по платформе к киоску за напитками. Купив несколько бутылок, он стал вручать их В.Т. Лисовскому и мне. Здесь нужно отметить, что временами нас с Володей привечали больше, чем других коллег, особенно из-за польских фамилий (Лисовский и Зборовский). Я, правда, на вопрос, откуда у меня такая фамилия и нет ли у меня родственных связей в Польше, отвечал отрицательно. Когда З.И. увидел, что бутылки суют нам, он отпустил что-то ехидное по этому поводу, вроде того, что если вы этого еврея принимаете за поляка (и он показал пальцем на меня), то тогда я тоже могу рассчитывать на бутылку воды. Когда поляки услышали это, они расхохотались и тут же вручили З.И. пару бутылок оранжада (польского лимонада). Завершая разговор о нашем общении в Польше, могу сказать, что оно очень хорошо сохранилось в моей памяти благодаря сильному интеллектуальному следу, оставленному З.И. в моем сознании. В последующем он становился еще более ярким благодаря неоднократным встречам на конференциях, семинарах, Уральских социологических чтениях, защитах диссертаций и др.

Хочу просить Вас охарактеризовать роль З.И. Файнбурга в развитии уральской социологии. Прошло более четверти века со дня его смерти, так что можно попытаться рассказать не только о том, что он делал как исследователь, преподаватель, руководитель научных коллективов, но и в чем сегодня проявляется сделанное им.

Думаю, здесь нужно рассмотреть несколько аспектов. Во-первых, это его школа, его ученики и ближайшие соратники. Говоря о последних, я бы назвал М.А. Слюсарянского, Е.С. Шайдарову и В.Н. Стегния. Один из них — профессор Слюсарянский — несколько лет назад ушел из жизни. Он много сделал для сохранения наследия Захара Ильича. Нельзя не отметить, что исследования Марка Абрамовича Слюсарянского осуществлялись в той же области научного знания, которая всегда была предметом профессионального интереса Файнбурга, — сфере труда и производства. Приняв после ухода из жизни З.И. кафедру, он руководил ею беспрерывно до своей смерти в конце 2013 г. По его инициативе, немедленно поддержанной Стегнием и Шайдаровой, начали проводиться ставшие традиционными Файнбургские чтения. Их популярность была значительной. Не могу сказать, что я был на всех без исключения конференциях, но в работе многих из них принимал участие. Они всегда были интересны и собирали солидную аудиторию. Большую роль в организации Файнбургских чтений сыграл профессор В.Н. Стегний, бывший долгое годы деканом гуманитарного факультета и сыгравший значительную роль в пропаганде идей З.И. и посмертном издании его работ. Область научных интересов Василия Николаевича Стегния тесно смыкается с еще одним предметным полем социологических штудий З.И. — прогнозированием социальных процессов. Преимущество, как видно, налицо.

Во-вторых, благодаря профессиональной социологической деятельности З.И. Файнбурга (и это один из ее основных результатов) на кафедре социологии и политологии ППИ была начата подготовка студентов по специальности «социология», которая продолжается и по сей день. Многие сотни выпускников (а возможно, и больше) обрели профессию социолога.

В-третьих, результатом деятельности З.И. явился диссертационный социологический Совет, который успешно работал на протяжении многих лет под руководством декана факультета профессора В.Н. Стегния. Причем работал плодотворно и интересно. Сужу об этом из своего личного опыта — я неоднократно участвовал в работе Совета в качестве официального оппонента.

В-четвертых, продолжает оставаться центром эмпирических исследований созданная при кафедре социологическая лаборатория, руководитель которой — Г.В. Разинский — тоже ученик З.И. Файнбурга.

В целом можно подытожить, что кафедра Файнбурга как была крупным образовательным и научным социологическим центром

при его жизни, так и осталась таковым и в последующие после 1990 г. десятилетия. Дело, начатое З.И. Файнбургом, живет.

Гарольд Ефимович, помню, когда мы гуляли по Екатеринбург в 2013 году, Вы рассказывали о проблемах, возникших в Вашей жизни после выхода в свет книги «Пространство и время как формы социального бытия», и о поддержке, которую в то время оказал Вам З.И. Файнбург. Пожалуйста, вспомните еще раз, какого рода были эти проблемы и в чем выражалась поддержка Файнбурга.

Да, с удовольствием вспомню о поддержке Захара в это тяжелое для меня время и без всякого удовольствия — о том, что произошло и послужило поводом для такой поддержки. В 1974 г., вскоре после защиты докторской диссертации, у меня вышла книга — «Пространство и время как формы социального бытия» [2]. Книга вызвала неоднозначную реакцию у философов и социологов. Достаточно сказать только об одной вещи, чтобы понять, почему возникло разное отношение к ней. Я стремился доказать, что пространство и время — не только объективные, но и субъективные формы социального и индивидуального бытия. Это вызвало яростные нападки со стороны, прежде всего, М.Н. Руткевича, который был тогда директором Института социальных исследований, председателем президиума Советской социологической ассоциации и председателем Экспертного совета ВАК, то есть сосредоточил в своих руках всю «власть» в социологии. Вряд ли нужно подчеркивать, что значили в период застоя обвинения в субъективном идеализме, метафизике, антимарксизме, потворстве западным авторам и т. д. Этой «чести» я был удостоен не только в работах Руткевича (а его слова рассматривались как приговор), но и в чисто практических действиях. Он написал письмо в Свердловский Обком КПСС, чтобы меня примерно наказали (а заодно и рецензентов книги, которые проглядели почти что «антисоветчину»), потребовал созыва семинара преподавателей общественных наук и принятия вердикта со словами «обсудить и осудить» и т. д. Пишу так подробно об этом для того, чтобы стала понятной атмосфера, складывающаяся вокруг меня. Представьте картинку: иду по улице, навстречу завкафедрой из Высшей партийной школы, известный в городе человек, авторитетный профессор. Обычно мы останавливались, встречаясь, чтобы перемолвиться о новостях. А тут он мне: «Да Вы, батенька, оказывается, антимарксист. О чем же мы будем говорить с Вами?». Некоторые просто перестали здороваться.

И вот в условиях такой травли я еду на конференцию в Пермь, прихожу на кафедру к Файнбургу, и он мне говорит: «Пошли, пройдемся». Конференция эта происходила не в здании института, и туда нужно было либо проехать несколько остановок, либо пройти пешком минут 30. И так получилось, что эти полчаса резко изменили мое настроение, мои взгляды и позиции по ряду вопросов поведенческого плана. Во время прогулки (помню, кто-то пытался присоединиться

к нам, но З.И. быстро его «отшил») он говорил мне примерно следующее: ты должен быть благодарен Руткевичу (к слову, он сам его терпеть не мог), что он придает популярности тебе и твоей книге. Кто бы так узнал о твоей книге, которая издана в Свердловске тиражом всего в две тысяч экземпляров? А так о тебе знает не только вся страна, но и весь мир, вон сколько писем получаешь с просьбой выслать экземпляр книги. Все же знают, если Мишка (он часто его называл именно так) пишет, что книга плохая, значит, на самом деле ее стоит читать. И запомни, сказал он мне в конце разговора, его не будет, а книга останется, и на нее еще долго будут ссылаться. А что тебе еще нужно, кроме такого признания? Эти аргументы З.И. Файнбурга тогда подействовали на меня очень успокаивающе, поскольку мое психологическое состояние было не из лучших. А потом на конференции, когда во время пленарного заседания дошла очередь до моего доклада, он представил меня аудитории как автора одной из самых интересных, хотя и не бесспорных, книг последнего времени. Из Перми я уезжал в весьма приподнятом настроении.

Мой последний вопрос обращен к Вам как к историку социологии и многоопытному преподавателю, вопрос — общий, но я сформулирую его применительно к творчеству Файнбурга. Захар Ильич умер в 1990 году, несколько более четверти века назад. Давно нет того государства и общества, которые он изучал, марксизм не имеет того места в российской философии и идеологии, которое он имел в годы жизни Файнбурга, нет тех производственных отношений и механизмов государственного управления, которые он анализировал, и т. д. Как рассказывать нынешним студентам о значении работ Файнбурга для понимания сегодняшней жизни? Применительно к Файнбургу мой вопрос важен еще и потому, что он серьезно думал о будущем не только как философ-социолог, но и как культуролог, специалист по научной фантастике.

Многое зависит от того, каким студентам и что рассказывать. И дело не только в их научной специализации, хотя и она крайне важна — с учетом многогранности и разнонаправленности, многовекторности идей З.И. Главное — в интересе студентов к прошлому науки, ее истории. Как бы современно не звучали отдельные теоретические положения Файнбурга, касающиеся будущего, творчества, труда, коллектива, личности, организации общества и другие, многие из них относятся уже к истории науки. Увы, я очень пессимистически отношусь к сфере студенческих интересов, связанных с ней. Как мне кажется, история науки их мало волнует. Я уже не говорю о постоянных вопросах студентов: зачем нам Дюркгейм? Вебер? Маркс? Зиммель? Парсонс? Причем эти вопросы, как показывают исследования, в равной мере характерны и для американских, и для французских, и для немецких, и для российских студентов. Конечно, преподаватели стремятся доказать им, что без прошлого нет сегодняшнего дня науки, что манкуртизм — это путь к гибели общества, что «Иван, не помнящий родства» не может быть образцом для современного человека. Нужны

большие усилия в этом плане. Вероятно, нужно давать темы курсовых и дипломных работ, рефератов, эссе на базе изучения текстов Файнбурга, других крупных ученых конца XX – начала XXI вв., устраивать дискуссии вокруг их творчества. Но все это непросто делать в условиях резкого сокращения времени и возможностей непосредственного общения и взаимодействия студентов и преподавателей, а также быстро меняющихся ориентаций и интересов как тех, так и других.

ЛИТЕРАТУРА

1. Докторов Б., Ядов В. Разговоры через океан: о поколениях отечественных социологов на протяжении полувека // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2008. № 3. С. 47–60.
2. Зборовский Г.Е. Пространство и время как формы социального бытия. Свердловск: Изд-во Свердл. юрид. ин-та, 1974. — 223 с.
3. Коган Л.Н. Социология культуры: Учебное пособие / Л.Н. Коган. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1992. — 120 с.
4. Коган Л.Н. Неповторимая романтика социологии // Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах / Отв. ред. и авт. предисл. Г.С. Батыгин; Ред.-сост. С.Ф. Ярмолюк. СПб.: Русский христианский гуманитарный институт, 1999. С. 280–300.
5. Маркарян Э.С. О значении разработки основ общей культурологической теории для формирования идеологии самосохранения человечества // Культурогенез и культурное наследие / Науч. ред. В.А. Бондарев. М., СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2014. — 640 с.
6. Оценивая свою жизнь... (Из неопубликованных фрагментов рукописного архива З.И. Файнбурга) // Большой Урал — XXI век: Сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. Ч. 2. Из истории социологии на Урале: наука — люди науки — научные коллективы. Екатеринбург: Изд-во УГТУ-УПИ, 2001. С. 116–124.
7. Файнбург З.И. Современное общество и научная фантастика // Вопросы философии. 1967. № 6. С. 32–43.
8. Файнбург З.И. К вопросу о понятии культуры и периодизации ее исторического развития (некоторые проблемы методологии) // Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы. Общественные науки. 1976. № 3. С. 30–39.
9. Файнбург З.И. «Не сотвори себе кумира...»: Социализм и «культ личности»: очерки теории. М.: Изд-во политической литературы, 1991. — 320 с.
10. Файнбург З.И. Предвидение против пророчеств: Современная утопия в облике научной фантастики // Мемориал. издан. под общ. ред. проф. Г.З. Файнбурга. Пермь: ПГТУ, 2007. С. 235–273.
11. Файнбург З.И. Философская художественная фантастика и некоторые социальные реалии современности (размышления по поводу философской фантастической повести А.Н. и Б.Н. Стругацких «Улитка на склоне») // Современное общество: вопросы теории, методологии, методы социальных исследований. Материалы IX Всероссийской на-

- учной конференции, посвященной памяти профессора З.И. Файнбурга (г. Пермь, 2008 г.). Пермь: ПГТУ, 2008. Том. II. С. 208–234.
12. *Файнбург З.И., Козлова Г.П.* Коллективистское общество. Идеал. Теория. Реальность. Мемориальное издание. Изд. 2-е, испр. и доп. Пермь: Изд-во ПНИПУ, 2013. — 352 с.

Дата поступления: 03.02.2017.

SOTSIOLOGICHESKIY ZHURNAL = SOCIOLOGICAL JOURNAL
2017. VOL. 23. No. 1. P. 133–155. DOI: 10.19181/socjour.2017.23.1.5006

B.Z. DOKTOROV

Independent researcher, USA.

G.Z. FAYNBURG

Perm National Research Polytechnic University, Perm, Russian Federation.

YU.R. VISHNEVSKY, G.E. ZBOROVSKY

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russian Federation.

Boris Z. Doktorov — Doctor of Philosophical Sciences, Independent researcher (USA).

Email: bdoktorov@inbox.ru

Grigoriy Z. Faynburg — Doctor of Engineering Sciences, Professor, Director of the Institute for Safety and Health, Perm National Research Polytechnic University.

Address: 29, Komsomolsky prosp., 614990, Perm, Russian Federation

Phone: +7 (342) 219-83-69. **Email:** faynburg@yandex.ru

Yuriy R. Vishnevsky — Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin.

Address: Mira str., bl. 19, 620002, Ekaterinburg, Russian Federation.

Phone: +7 (343) 375-48-22. **Email:** soc_stu@e1.ru

Garold E. Zborovsky — Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin.

Address: Mira str., bl. 19, 620002, Ekaterinburg, Russian Federation.

Phone: +7 (343) 375-48-22. **Email:** garoldzborovsky@gmail.ru

Z.I. FAYNBURG: “MY LIFE WAS HARD, BUT IT WAS NOT A BURDEN TO ME”

Abstract. The life and work of one of the creators of Soviet sociology, Professor Zakhar I. Faynburg, is remembered by his son — Grigory Z. Faynburg, as well as his colleagues and friends Yuri R. Vishnevsky and Garold E. Zborovsky. Interviews with them was conducted by Boris Z. Doktorov.

Keywords: Zakhar Ilich Faynburg; life trajectory; future sociology; collectivist society; sociology of work; sociology of culture: social planning; historical place of socialism; the “Faynburg school”.

For citation: Doktorov B.Z., Faynburg G.Z., Vishnevsky Yu.R., Zborovsky G.E.

Z.I. Faynburg: “My life was hard, but it was not a burden to me”. *Sotsiologicheskij Zhurnal = Sociological Journal*. 2017. Vol. 23. No. 1. P. 133–155. DOI: 10.19181/socjour.2017.23.1.5006

REFERENCES

1. Doktorov B., Yadov V. Talking across the ocean: about the generations of Russian sociologists for half a century. *Teleskop: nablyudeniya za povsednevnoi zhizn'yu peterburzhtsev*. 2008. No. 3. P. 47–60. (In Russ.)
2. Zborovskii G.E. *Prostranstvo i vremya kak formy sotsial'nogo bytiya*. [Space and time as forms of social life.] Sverdlovsk: Izd-vo Sverdlovskogo yuridicheskogo in-ta publ., 1974. 223 p. (In Russ.)
3. Kogan L.N. *Sotsiologiya kul'tury: Uchebnoe posobie*. [Sociology of Culture: A Schoolbook.] Ekaterinburg: Izd-vo Ural'skogo un-ta publ., 1992. 120 p. (In Russ.)
4. Kogan L.N. *The unique romance of sociology. Rossiiskaya sotsiologiya shestidesyatykh godov v vospominaniyakh i dokumentakh*. [Russian sociology of the sixties in memoirs and documents.] Ed. by G.S. Batygin. St Petersburg: Russkii khristianskii gumanitarnyi institut publ., 1999. P. 280–300. (In Russ.)
5. Markaryan E.S. On the importance of developing the foundations of a general cultural theory for the formation of the ideology of mankind self-preservation. *Kul'turogenez i kul'turnoe nasledie*. [Culturogenesis and cultural heritage.] Ed. by V.A. Bondarev. Moscow, St Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ publ., 2014. 640 p. (In Russ.)
6. Evaluating his life... (From unpublished fragments of the handwritten archive of Z.I. Fainburg). *Bol'shoi Ural — XXI vek: Sb. materialov Vseros. nauch.-prakt. konf. Ch.2. Iz istorii sotsiologii na Urale: nauka — lyudi nauki — nauchnye kolektivy*. [The Great Ural — XXI century: Proceedings of the All-Russian Scientific Conference. Part 2. From the history of sociology in the Ural: Science — people of science — scientific collectives.] Ekaterinburg: UGTU UPI publ., 2001. P. 116–124. (In Russ.)
7. Fainburg Z.I. Modern society and science fiction. *Voprosy filosofii*. 1967. No. 6. P. 32–43. (In Russ.)
8. Fainburg Z.I. On the issue of the culture concept and periodization of its historical development (some problems of methodology). *Izvestiya Severo-Kavkazskogo nauchnogo tsentra vysshei shkoly. Obshchestvennye nauki*. 1976. No. 3. P. 30–39. (In Russ.)
9. Fainburg Z.I. “*Ne sotvori sebe kumira...*”: *Sotsializm i “kul't lichnosti”*: *Ocherki teorii*. [“Thou shalt not make into thee any graven image...”: Socialism and the “cult of personality”: Essays on theory.] Moscow: Izd-vo politicheskoi literatury publ., 1991. 320 p.
10. Fainburg Z.I. Foresight against prophecy: Modern utopia in the guise of science fiction. *Memorial'noe izdanie pod obshchei redaktsiei professora G.Z. Fainburga*. [Memorial edition under the editorship of Professor G.Z. Feinburg.] Perm: PSTU publ., 2007. P. 235–273. (In Russ.)
11. Fainburg Z.I. Philosophical art fiction and some social realities of our time (reflections on the philosophical story of A. and B. Strugatsky “Snail on the slope”). *Sovremennoe obshchestvo: Voprosy teorii, metodologii, metody sotsial'nykh issledovaniy. Materialy IX Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi pamyati professora Z.I. Fainburga (Perm', 2008.)* [Modern society: Questions of theory, methodology, methods of social research. Materials of the IX All-Russian Scientific Conference, dedicated to the memory of Professor Z.I. Faynburg (Perm, 2008)]. Perm: PSTU publ., 2008. Vol. II. P. 208–234. (In Russ.)
12. Fainburg Z.I., Kozlova G.P. *Kollektivistское obshchestvo. Ideal. Teoriya. Real'nost'. Memorial'noe izdanie*. [Collectivist society. Ideal. Theory. Reality. The memorial edition.] 2nd ed. Perm': Izd-vo PNIPU publ., 2013. 352 p.